

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АППАРАТ ТАТАРСКОЙ МАХАЛЛЯ В 1940–1980-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

КОБЗЕВ

Александр Викторович,

канд. ист. наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И. Н. Ульянова» (432700, Россия,
г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня
рождения В. И. Ленина, д. 4).
E-mail: alkobzev@yandex.ru

Аннотация. В статье ретроспективно рассматривается трансформация органов самоуправления татарской махалля в советское время на примере религиозных общин Ульяновской области. Анализируется динамика возрастного и социального состава институтов самоуправления, модели ротации управленческих кадров. Анализ эмпирических данных позволил выявить несколько моделей ротации (замены) кадров в органах самоуправления татарской махалля Ульяновской области.

Ключевые слова: Ислам, татары, мусульмане, махалля, мутаваллиат, Ульяновская область.

DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-91-114

Мусульманская община, или махалля, была исторически сложившейся самоуправляющейся и финансово автономной организацией, выполнявшей многообразные религиозные и социальные функции, в том числе и предоставленные возможности исполнения религиозно-нравственного долга мусульманина в условиях поликонфессионального государства. Махалля включала пять элементов (институтов). Это сообщество верующих, приходский служитель культа (имам), мечеть, религиозное учебное заведение (одно - или двухуровневое — мектебе / мектебе–медресе) и благотворители (вакифы)¹.

Регулирование внутренней жизни общины было в пределах компетенции общих собраний верующих, имама как руководителя общины и мутаваллиата, управлявшего имуществом прихода². В дореволюционную эпоху под мутаваллиатом понимался попечительский совет вакфа или

¹ Старостин А.Н. Мусульманское сообщество Среднего Урала в конце XIX — начале XXI в.: Дис. на соиск. уч. ст. к. и.н. Екатеринбург, 2010. С. 5, 46.

² Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007. С. 202, 350.

медресе¹. В Российской империи законодательство не признавало махалля как юридическое лицо, а также вакфы и связанные с ними мутаваллиаты, хотя на практике они получили достаточно широкое распространение во второй половине XIX — начале XX в.² Достаточно часто мутаваллиаты создавались без опоры на вакфную собственность для управления конфессиональными учебными заведениями. К началу XX в. в округе Оренбургского магометанского духовного собрания были выработаны основные правила по управлению и контролю над вакуфным имуществом, а за их основу был взят проект, предложенный в 1894 г. М. Султановым³.

Члены мутаваллиата, как правило, избирались из числа верующих в тех случаях, когда учредитель вакфа по завещанию не назначил мутавалли. Выборы носили гласный характер, путем оформления приговора всех прихожан на общем собрании общины. Как правило, членами мутаваллиата становились авторитетные и уважаемые в общине люди, независимо от их профессиональных занятий и социального положения. Это были духовные лица, старшие члены общины, родители учеников, купцы и иногда дворяне. Нередко в их числе были и прямые наследники учредителя вакфа. Попечители распоряжались всем имуществом махалля, изыскивали средства на содержание мечети и религиозной школы, обязаны были ежегодно представлять отчеты по финансовой деятельности, а также защищали интересы общины в отношениях с государственной властью⁴. Эта система управления эффективно функционировала в татарских махалля на протяжении последней четверти XIX — начала XX в.

После Октябрьского переворота и прихода к власти большевиков началась новая эпоха в истории государственно-конфессиональных отношений. Религиозные общины оказались под плотным контролем государства. Советское законодательство привнесло много существенных изменений в функционирование религиозных общин и их управленческие структуры. Их суть заключалась в том, чтобы осла-

¹ Салихов Р.Р., Хабутдинов А.Ю., Хайрутдинов Р.Р. Махалля // Ислам на Нижегородчине: Энциклопедический словарь. Н. Новгород, 2007. С. 123; Наганова Н. Формирование мусульманского сообщества через царскую администрацию: Махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: Материалы научно-практической конференции (27–28 сентября 2005 г., г. Казань). Казань, 2006. С. 113.

² Салихов Р.Р. Татарская буржуазия России и трансформация традиционной мусульманской благотворительности во второй половине XIX — начале XX в. // Ислам и благотворительность: Материалы всероссийского семинара «Ислам и благотворительность». Казань, 2006. С. 32–35; Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Н. Новгород, 2008. С. 80, 162–163; Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М., 2013. С. 96–100, 104.

³ Загидуллин И.К. Деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания по реформированию управления духовными делами мусульман в конце XIX — начале XX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей. Вып. 4. Казань, 2014. С. 83–85.

⁴ Салихов Р.Р. Указ соч. С. 33; Наганова Н. Указ соч. С. 113; Салихов Р.Р., Хабутдинов А.Ю., Хайрутдинов Р.Р. Указ соч. С. 123.

бить институциональные основы религиозных сообществ, разорвать межобщинные вертикальные и горизонтальные связи, изолировать служителей культа от верующих путем отстранения от прямого участия в решении управленческих и хозяйственных вопросов, напрямую не относившихся к религиозным обязанностям. Кроме того, махалля лишилась двух ключевых институтов — конфессиональных учебных заведений и благотворителей, а вместе с ними и вахфной формы организации имущества махалля. Религиозным обществам были навязаны новые общинные органы самоуправления, частично дублировавшие функции мутаваллиата, но не совпадавшие с ним по составу и принципам ротации.

В СССР новые органы управленческого аппарата религиозных обществ — «двадцатки», исполнительные и ревизионные органы, в том числе и татарской махалля, законодательно были закреплены еще в довоенное время. Согласно Декрету СНК РСФСР от 23.01.1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» все церковные и религиозные общества подчинялись общим положениям о частных обществах и союзах и в то же время были лишены прав юридического лица¹. Таким образом, структура органов управления всех религиозных общин независимо от конфессиональной принадлежности была унифицирована и приведена к единому знаменателю. Более того, она становилась единообразной со структурой светских частных обществ и союзов, в рамках которых предусматривались такие управленческие институты, как учредители общества и его исполнительный орган².

В инструкции НКЮ «О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованной 24.08.1918 г., спустя семь месяцев после принятия декрета, впервые было обозначено понятие религиозной «двадцатки». Прежде всего это был необходимый численный минимум верующих для формального получения в пользование богослужебного здания от местных органов власти³. При этом правом на управление культовым имуществом обладали все местные жители селения наравне с группой лиц, первоначально получивших это имущество⁴.

В законотворческой практике Советского государства было два численных ценза, необходимых для организации религиозного общества и группы верующих. Первый — это упомянутая выше «двадцатка», необходимая для получения культового здания на условиях бесплатно-го использования. Второй, согласно инструкции НКЮ и НКВД РСФСР

¹ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР. М., 1926. С. 616.

² Там же. С. 75–76, 80, 82–83.

³ Там же. С. 129–130, 623.

⁴ Там же. С. 624.

«О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых» от 27.04.1923 г., это минимальный порог в 50 человек, необходимый для учреждения религиозного общества¹. То есть, чтобы получить, например, мечеть и зарегистрировать религиозную группу верующих, достаточно было найти 20 человек, а для того чтобы зарегистрировать религиозное общество — 50 человек. При этом при выбытии по каким-либо причинам верующих из состава «двадцатки» члены общины должны были в течение двух недель найти им замену и пополнить ее состав. В противном случае договор на бесплатное использование культового здания расторгался, а общество или группа снималась с регистрации². Подобная законодательная дифференциация религиозных общин по форме организации на религиозные группы и общества, по мнению ряда исследователей, преследовала цель запустить процессы дезинтеграции единой религиозной организации и расколоть ее³ и, соответственно, создать юридические условия для решения конечной цели — искоренения религии в СССР.

Для выполнения решений общих собраний общины верующие из своей среды могли выбирать уполномоченных лиц, которые занимались приобретением и закупкой различных необходимых материалов, следили за чистотой помещения и сохранностью предметов культа. В инструкции НКЮ и НКВД РСФСР от 27.04.1923 г. такой представительный орган назывался церковным советом, и его деятельность признавалась советским правительством⁴. Здесь мы также видим, что для всех конфессий прописывалась единообразная структура — церковный совет, с одной стороны, как представительный орган общины, а с другой — как структура, действовавшая на постоянной основе и решавшая текущие хозяйственно-финансовые вопросы. В состав церковного совета согласно инструкции НКЮ от 19.06.1923 г. в качестве его председателя на выборной основе мог входить и служитель культа как член соответствующей группы верующих⁵.

Окончательное закрепление органов самоуправления религиозной общины произошло в конце 1920-х гг. В Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» был установлен порядок регистрации и деятельности религиозных обществ. В § 13–16 говорилось, что верующие могут на общих собраниях открытым голосованием выбирать членов исполнительного органа и ревизионной комиссии в составе не более трех человек в каждом.

¹ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР. М., 1926. С. 83–84.

² Там же. С. 136–137.

³ Мухаметзянов А.А., Миннуллин И.Р. Трансформация институтов мусульманской общины Татарстана (1920–1930-е гг.). Н. Новгород, 2008. С. 40.

⁴ Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР. М., 1926. С. 148.

⁵ Там же. С. 229.

Исполнительным органам и ревизионным комиссиям принадлежала важная роль в функционировании зарегистрированных религиозных объединений и групп¹. К полномочиям исполнительного органа относилось осуществление функций по управлению и использованию культового имущества и внешнего представительства. Ревизионная комиссия проверяла поступление денежных средств и сохранность культового имущества. Заседания этих органов самоуправления, в отличие от общих собраний верующих, могли проходить без уведомления или специального разрешения местных органов власти, также не были жестко регламентированы и сроки проведения заседаний. После регистрации религиозного общества сведения о его составе, составе исполнительного органа и ревизионной комиссии подавались в органы государственной власти. Согласно § 14 государство обладало правом вывода отдельных верующих из состава исполнительного органа и, таким образом, могло напрямую вмешиваться во внутреннюю жизнь религиозной общины².

По постановлению 1929 г. государство признавало только «двадцатки» мирян, которые составляли приход и арендовали помещения у местных властей. При этом договоры о ремонте религиозных помещений заключала не «двадцатка», а ее отдельные члены. Такие договоры рассматривались как частные сделки и облагались высоким налогом³. Необходимый ранее для регистрации религиозного общества порог в 50 человек был отменен. «Двадцатки» должны были регистрироваться в месячный срок. Однако на практике в условиях проведения антирелигиозной политики органы, производившие регистрацию, могли не зарегистрировать общество или отвергнуть отдельных членов «двадцатки»⁴.

Как официальные учредители религиозного общества, «двадцатки» несли ответственность перед государством за сохранность культового имущества и соблюдение советского конфессионального законодательства. Исполнительный орган занимался ведением текущих хозяйственных дел, в том числе и финансовыми вопросами, а ревизионная комиссия была обязана контролировать деятельность исполнительного органа общины. Теперь не все верующие отдельного населенного пункта были в равной степени участниками управленческих процессов в общине, а прежде всего — его «актив». Такая сегре-

¹ Сулаев И. Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений 1917–1991 гг.: Дис. на соиск. уч. ст. д. и. н. Махачкала, 2009. С. 464.

² Постановление от 8 апреля 1929 года о религиозных объединениях // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик (интернет-ресурс: www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3566htm)

³ Проскурина А. В. Политика советской власти в отношении религии и церкви в деревне Северо-Запада России в конце 1920-х-1930-е гг.: Дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. Псков, 2002. С. 65.

⁴ Соломадина Н. А. Мусульманские религиозные организации Пензенской области: Дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. 2006. С. 77–78.

гация членов общины на простых прихожан и собственно юридически оформленную «двадцатку» облегчала государству решение задач по контролю и надзору за деятельностью религиозного общества.

«Двадцатки» сосредоточивали в своих руках властные функции, из их состава, как правило, в дальнейшем формировались исполнительные органы и ревизионные комиссии. Кроме того, документы зафиксировали случаи, когда на собраниях «двадцаток» избирались имамы. В обязанности «двадцатки» входило заключение типового договора с местными органами власти по передаче мечети в бесплатное и бессрочное пользование общины. В договоре фиксировались условия пользования мечетью — только для религиозных служб, обязанности по несению текущих расходов на содержание мечети, ведению финансовой документации по пожертвованиям, предоставления свободного доступа во внебогослужебное время представителям местных органов власти.

В 1920-е гг. параллельно с исполнительными органами и ревизионными комиссиями в татарских махалля продолжали функционировать мутаваллиаты, а члены мутаваллиатов могли быть одновременно в составе исполнительного органа и ревизионной комиссии. Согласно «Уставу духовной организации мусульман РСФСР» от 30.11.1923 г. они были обязаны следить за материальным состоянием общины, управлять приходским имуществом, осуществлять надзор за кладбищем, выполнять распоряжения общих собраний верующих, то есть, по существу, реализовать те же функции, что и исполнительный орган, и ревизионная комиссия. В советское время объем обязанностей мутаваллиата заметно возрос и пополнился новыми заботами, нехарактерными для мутаваллиатов дореволюционных мусульманских общин. Мутаваллиаты осуществляли всю текущую работу в промежутках между общими собраниями верующих. Такие собрания, за исключением экстренных случаев, созывались два раза в год¹. По Уставу мутаваллиаты были низовой управленческой структурой.

В состав мутаваллиата входило пять человек. Из них трое избирались на общем собрании верующих из числа прихожан, а двое входили в него как духовные лица — это имам и муэдзин. По уставу ЦДУМ мутаваллиат был официальным представителем религиозного общества в отношениях с государством. Несмотря на солидный объем законодательно закрепленных обязанностей, в том числе и официального представительства интересов общины перед государством, реальное положение этой управленческой структуры в 1920–1930-е гг. было иным. Как и прежде, фактическое руководство жизнью прихода осуществляли

¹ Мухаметзянов А.А., Миннуллин И.Р. Указ. соч. С. 40–42; Миннуллин И.Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане. 1920–1930-е гг. Казань, 2006. С. 29.

мусульманские служители культа¹, а во время так называемой «безбожной пятилетки», на рубеже 1920–1930-х гг., мутаваллиаты и вовсе были ликвидированы и в дальнейшем практически не играли какой-либо существенной роли в общественной жизни мусульман². По всей видимости, до этого времени действительным органом управления общины был мутаваллиат, а исполнительный орган и ревизионная комиссия являлись формальными структурами, остававшимися на бумаге, и необходимыми постольку, поскольку были законодательные требования государства к регистрации религиозных обществ.

В послевоенное время центральное место в управленческих процессах в общине занимают «двадцатки» и новые выборные структуры — исполнительный орган общины и ревизионная комиссия. Наиболее полно их деятельность и функционирование прослеживаются по архивным материалам 1940–1980-х гг., когда был учрежден Совет по делам религиозных культов, а в областях и республиках СССР появились его уполномоченные по религиозным вопросам. Сохранившиеся архивные материалы позволяют реконструировать возрастной, профессиональный и социальный состав верующих в органах самоуправления татарской махалля, проследить его динамику на протяжении почти полувека, выявить модели ротации управленческих кадров в «двадцатках», исполнительных органах и ревизионных комиссиях.

В научной литературе встречаются разночтения в определении мутаваллиата применительно к советской эпохе. В частности, под мутаваллиатом понимается приходской совет³, а приходской совет трактуется как «двадцатка» мечети⁴. Председатель религиозного общества или председатель исполнительного органа обозначается в качестве мутавалли, а исполнительный орган, по логике, как мутаваллиат⁵. В мусульманской общине Нижнего Новгорода в послевоенное время было зафиксировано параллельное функционирование двух управленческих структур — собственно мутаваллиата и исполнительного органа общины. В 1958 г. на собрании «двадцатки» председателем общины был избран Абдулла Тажетдинов. В том же году он был избран

¹ Мухаметзянов А. А., Миннуллин И. Р. Указ. соч. С. 42; Миннуллин И. Р. Указ. соч. С. 29.

² Миннуллин И. Р. Мусульманское духовенство Татарстана в условиях политических репрессий 1920–1930-х гг. Н. Новгород, 2007. С. 54. Хабутдинов А. Ю. Татарская махалля эпохи Оренбургского магометанского духовного собрания в структуре нации // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: Материалы научно-практической конференции (27–28 сентября 2005 г., г. Казань). Казань, 2006. С. 190.

³ Тагирджанова А. Н. Ликвидация мусульманских общин в Петрограде в 1920-х гг. // Ислам в Санкт-Петербурге: Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 119.

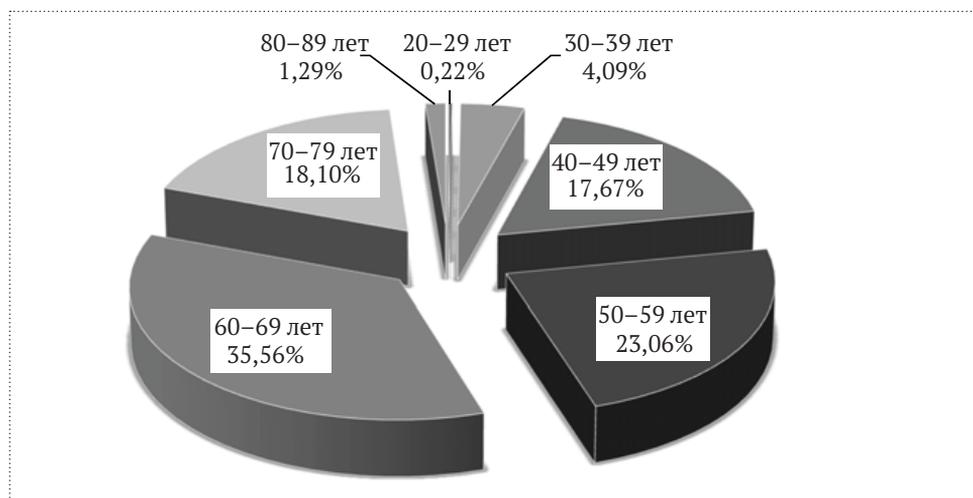
⁴ Хайретдинов Д. Х. Ликвидация мусульманской общины Кронштадта в конце 1920-х гг. // Ислам в Санкт-Петербурге: Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 120.

⁵ Моргунов К. А. Государственная этноконфессиональная политика и мусульманские религиозные организации в Оренбургской области (1944–1991 гг.) // 1-й международный научный форум «Ислам в мультикультурном мире». 1–3 ноября 2011 г. (г. Казань, Республика Татарстан). Казань, 2012. С. 482, 492.

главой мутаваллиата¹. По всей видимости, полное отождествление исполнительного органа или ревизионной комиссии с мутаваллиатом, а мутаваллиата с «двадцаткой» вряд ли будет оправданно. Вполне вероятно, что ситуация с соотношением традиционной для татарской махалля управленческой структуры — мутаваллиата с «советскими» органами управления религиозного общества была индивидуальной, и различалась от общины к общине, особенно в 1940–1980-е гг., после того как верующие пережили «безбожный разгром» конца 1920 — начала 1930-х гг., а члены «двадцаток» и служители культа подверглись репрессиям со стороны государства. Верующие могли по инерции переносить понятия мутавалли и мутаваллиата на новые управленческие структуры махалля.

В Ульяновской области в 1946–1947 гг. было 17 зарегистрированных мусульманских общин. В «двадцатках» на тот момент было чуть больше половины пожилых верующих. Всего насчитывалось 252 человека в возрасте 60–89 лет. Их удельный вес от общей численности членов «двадцаток» всех мусульманских общин по области равнялся 54,95%. Еще 189 человек, или 40,73% всех членов «двадцаток», были верующими в возрасте 40–59 лет. Самую малочисленную возрастную группу верующих 20–39 лет составляли 20 человек, или 4,32% от общего числа «двадцаток» (см. табл. 1, диаграмма 1).

Диаграмма 1. Удельный вес верующих по возрасту в «двадцатках» мусульманских религиозных объединений, зарегистрированных в 1946–1948 гг. в некоторых татарских селениях Ульяновской области*

¹ Мухетдинов Д. В. Азан над Волгой. Н. Новгород, 2005. С. 37.

Таблица 1. Возрастной состав «двадцаток» в мусульманских религиозных объединениях, зарегистрированных в 1946–1948 гг. в некоторых татарских селениях Ульяновской области*

Селения	Возрастные группы верующих в «двадцатках»							
	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70–79 лет	80–89 лет	Итого
Старое Тимошкино (1 РО)	0	0	4	7	6	6	0	23
Старое Тимошкино (2 РО)	0	2	3	7	10	2	0	24
Новые Тимерсяны	0	4	10	8	17	13	2	54
Уразовка (1 РО)	0	1	13	6	7	0	0	27
Уразовка (2 РО)	0	0	9	5	7	3	0	24
Старый Сантими́р	0	1	3	6	11	8	1	30
Елховый куст	0	0	1	6	10	7	0	24
Тюгальбуга	0	0	0	1	14	14	0	29
Эчкаюм	0	4	4	4	11	4	0	27
Уразгильдино	1	2	8	7	2	5	0	25
Енганаево	0	2	9	9	7	1	0	28
Татарский Калмаур	0	1	1	3	12	9	0	26
Поповка	0	0	6	6	8	5	0	25
Абдреево	0	2	4	14	4	1	0	25
Татарское Урайкино	0	0	4	7	11	2	0	24
Ульяновск	0	0	2	5	14	4	0	25
Новые Зимницы	0	0	1	6	14	0	3	24
Всего	1	19	82	107	165	84	6	464

* Составлено автором по: ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Ед. хр. 4, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 25; Оп. 4. Ед. хр. 13, 14, 16, 17, 18, 19.

О том, как изменился возрастной состав «двадцаток» за 40 лет, позволяют судить данные по вновь зарегистрированным общинам в 1989–1990 гг. и сведения о возрасте членов «двадцаток» мусульманских приходов, непрерывно функционировавших на протяжении полувека. В конце 1980-х гг. в области было зарегистрировано 23 мусульманских религиозных общества. В архивных материалах были выявлены статистические сведения только по четырем общинам — в селениях Большой Чирклей, Елховый Куст, Енганаево и Старый Атлаш. За 40 лет ситуация заметно изменилась. В составах «двадцаток» стали преобладать пожилые мусульмане в возрасте 60–89 лет — 117 человек,

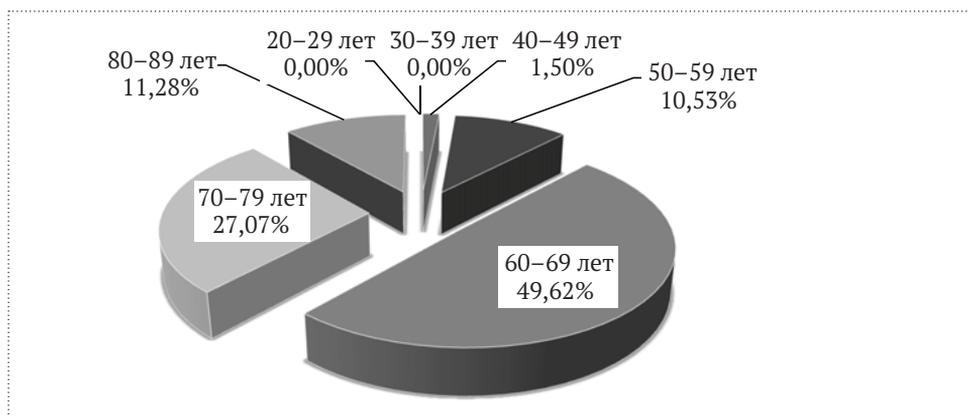
или 87,97% от общего числа «двадцаток». Представители возрастных категорий 20–39 лет отсутствуют, а верующих в возрасте 40–59 лет всего 16 человек, или 12,03% (см. табл. 2, диаграмма 2). По сравнению с 1940-ми годами их доля существенно уменьшилась, ретроспективно почти на треть. Для сравнения, в Пензенской области в середине 1970-х гг. также преобладали пожилые верующие в возрасте старше 60 лет — это 175 человек (95%) из 185¹.

Таблица 2. Возрастной состав «двадцаток» в мусульманских религиозных объединениях, зарегистрированных в 1989–1990 гг. в некоторых татарских селениях Ульяновской области*

Селения	Возрастные группы							Итого
	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70–79 лет	80–89 лет	
Большой Чирклей	0	0	0	2	6	10	2	20
Елховый Куст	0	0	0	1	21	3	0	25
Енганаево	0	0	0	0	16	9	7	32
Старый Атлаш	0	0	2	11	23	14	6	56
Всего	0	0	2	14	66	36	15	133

* Составлено автором по: ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 4. Ед. хр. 31, 43, 44, 46.

Диаграмма 2. Удельный вес верующих по возрасту в «двадцатках» мусульманских религиозных объединений, зарегистрированных в 1989–1990 гг. в некоторых татарских селениях Ульяновской области*

¹ Королев А.А., Королева Л.А. Мусульмане Пензенской области во второй половине 1940-х — первой половине 1980-х гг. // Ислам в центрально-европейской части России: Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 177.

Из всех общин, функционировавших на протяжении полувека, есть данные о возрасте членов «двадцаток» на протяжении 1946–1986 гг. в мусульманских махалля г. Ульяновска, деревень Татарское Урайкино и Абдреево. Во всех трех приходах по сравнению с 1946 г. в 1981–1986 гг. нет верующих 20–59 лет и фигурируют прихожане 60–89 лет. Кроме того, изменилось соотношение верующих по возрасту и в этой, старшей группе. Если прежде верующих в возрасте 60–69 лет было больше, чем мусульман в возрасте 70–79 лет, то в 1980-е гг. наблюдается иная ситуация. Численность верующих в возрасте 60–69 лет во всех трех общинах уменьшилась, а 70–79 лет возросла, и соответственно верующие этой возрастной группы стали явно преобладать (см. табл. 3, 4, 5). Очевидный процесс старения состава «двадцаток» в мусульманских общинах Ульяновской области был налицо. Это особенно заметно на фоне средней продолжительности жизни в СССР. По данным официальной статистики ожидаемая продолжительность жизни в 1958–1959 гг. равнялась 64,4 года, а в 1989 гг. составляла 64,6 года¹. То есть она практически не изменилась при всех колебаниях, имевших место в эти десятилетия. Именно пожилые, старые верующие определяли облик «двадцаток» как учредительного органа религиозного общества, брали на себя ответственность за состояние и функционирование общины в целом и стояли у истоков возрождения мусульманских религиозных институтов в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Состав «двадцаток» определялся местожительством верующих, был неоднородным по характеру их занятий и социальному статусу. Подавляющее большинство членов «двадцаток» были колхозниками.

Таблица 3. Возрастной состав «двадцатки» в махалля с. Абдреево в 1946–1982 гг.*

Абдреево	Возрастные группы верующих в «двадцатке»							
	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70–79 лет	80–89 лет	Итого
1946 год	0	2	4	14	4	1	0	25
1982 год	0	0	0	0	2	9	6	17
Всего	0	2	4	14	6	10	6	42

* Составлено автором по: ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 4. Ед. хр. 18. Л. 9, 84.

¹ Охрана здоровья в СССР: Сборник статей. М., 1990. С. 20.

Таблица 4. Возрастной состав «двадцатки» в махалля г. Ульяновска в 1946–1986 гг.*

Ульяновск	Возрастные группы верующих в «двадцатке»							Итого
	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70–79 лет	80–89 лет	
1946 год	0	0	2	5	14	4	0	25
1956 год	0	0	1	2	11	6	0	20
1972 год	0	0	0	1	0	6	6	13
1983 год	0	0	0	0	5	10	1	16
1986 год	0	0	0	0	2	15	2	19
Всего	0	0	3	8	32	41	9	93

* Составлено автором по: ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 4. Ед. хр. 13. Л. 6, 56; Ед. хр. 14. Л. 1, 27, 41.

Таблица 5. Возрастной состав «двадцатки» в махалля с. Татарское Урайкино в 1946–1981 гг.*

Татарское Урайкино	Возрастные группы верующих в двадцатке							Итого
	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70–79 лет	80–89 лет	
1946 год	0	0	4	7	11	2	0	24
1970 год	0	0	0	1	6	10	3	20
1981 год	0	0	0	0	6	12	2	20
Всего	0	0	4	8	23	24	5	64

* Составлено автором по: ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 2, 14, 53, 85, 88.

В 17 мусульманских общинах их насчитывалось 362 человека, а их доля на 1946–1947 гг. составляла 78%. В ряде мусульманских общин, например в селениях Уразгильдино и Старое Тимошкино, колхозников было в 2–4 раза меньше, чем верующих, живших за счет иных видов деятельности. Из 463 человек чуть более 100 членов «двадцаток» (22%) по характеру занятий и социальному статусу можно отнести к шести категориям (см. табл. 6).

Таблица 6. Состав верующих по характеру занятий и социальному статусу в «двадцатках» мусульманских общин, зарегистрированных в Ульяновской области в 1946–1948 гг.*

Единоличники	26	6,00%
Верующие, не занятые в производстве (инвалиды, безработные)	18	4,00%
Верующие, чья профессия связана с с/х (конюх, пчеловод, агро-техник, молокосборщик, ветеринар, зав. бойни, комбайнер, завхоз, бригадир)	19	4,00%
Ремесленники (кузнец, плотник, шорник)	12	3,00%
Обслуживающий персонал (сторож, пожарный, продавец, машинист, агент)	16	3,00%
Представители местных органов советской власти (депутат с/с)	1	0,00%
Фабричные рабочие	9	2,00%
Колхозники	362	78,00%
Итого	463	100,00%

* Составлено автором по: ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Ед. хр. 4, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 25; Оп. 4. Ед. хр. 13, 14, 16, 17, 18, 19.

На момент регистрации в 1946–1947 гг. численность «двадцаток» равнялась 22–30 человек, в среднем — по 28 человек. К 1954 г. в 11 мусульманских общинах численность «двадцаток» сократилась на 2–8 человек, но при этом все еще оставалась не менее двадцати человек в среднем на каждую общину. Только в р. п. Старое Тимошкино от прежнего состава «двадцатки» в 25 человек осталось всего семь верующих¹.

По мере закрытия мусульманских религиозных объединений в 1950–1960-х гг. сокращалась не только общая численность «двадцаток», но и их средняя численность на одно религиозное общество. Например, в 1977 г. в области действовало всего пять зарегистрированных мусульманских приходов и в состав «двадцаток» входили в основном, как говорится в отчете уполномоченного, «престарелые мужчины, малограмотные и неграмотные пенсионеры»². Подобное представление не всегда согласуется с реальными фактами. Достаточно часто это были весьма уважаемые люди, как правило, не судимые, пенсионеры, причем некоторые из них имели различные государственные награды³, в том числе полученные в годы Великой Отечественной войны. Нередко имамы с целью укрепления популярности мечети сознательно привлекали в состав «двадцаток» людей, пользовавшихся доверием и большим авторитетом у односельчан, в том

¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-3705. Оп. 4. Д. 28. Л. 1–17.

² Там же. Оп. 1. Д. 126а. Л. 10.

³ Королев А. А., Королева Л. А. Указ. соч. С. 177.

числе и тех, кто ранее работал в советских органах власти. Это были и бывшие председатели сельских Советов, и председатели колхозов. Весьма характерны в этой связи высказывания самих верующих, зафиксированные в архивных материалах по Пензенской области: «... как ни живи, а под старость мечеть не обойдешь... они тоже, будучи молодыми, не верили в Бога, были активистами, а пришла старость, пришли в мечеть молиться Богу»¹.

В Ульяновской области, по официальным данным, на 1977 год в «двадцатках» насчитывалось всего 60 человек, и на каждую в среднем приходилось не более 12 человек, что составляло менее установленного законодательством численного порога для «двадцаток». При этом именно из их состава формировались исполнительные органы и ревизионные комиссии мусульманских общин². Аналогичная ситуация с численностью «двадцаток» сохранялась без существенных изменений и в последующие 1978–1979 годы³. Таким образом, в мусульманских приходах наблюдались два взаимосвязанных процесса — общее старение верующих и уменьшение средней численности «двадцаток». Последнее из указанных обстоятельств формально являлось достаточным поводом для закрытия мечети. Эти тенденции были характерны для всей страны в целом. Например, в Башкирской АССР в 1970-х гг. в «двадцатках» оставалось менее 2/3 состава, естественная убыль и отказ исполнять обязанности членов «двадцатки» были нередкими причинами сокращения ее численного состава⁴.

Периодически по необходимости в связи с выбыванием членов состав «двадцаток» пополнялся новыми верующими примерно на треть / половину от прежнего состава. Это происходило на собраниях «двадцаток» с промежутком в 7–9 лет. При этом их возрастной состав не менялся. Например, в селе Енганаево 10 апреля 1955 г., спустя девять лет после регистрации, в «двадцатку» вошло девять верующих, из них восьмерым было 60–69 лет и одному 70 лет⁵. В селе Новые Зимницы в 1954 г., спустя семь лет, также обновился состав «двадцатки». В ее состав вошли 11 верующих, почти наполовину обновив прежний состав (25 человек)⁶.

По состоянию на 1 января 1952 г. в Ульяновской области было 13 зарегистрированных мусульманских общин, располагавшихся в селениях Татарское Урайкино, Уразовка, Ульяновск, Старое Тимошкино, Абдреево, Аллагулово, Елховый Куст, Енганаево, Уразгильдино, Новые

¹ Соломадина Н. А. Мусульманские религиозные организации Пензенской области: Вторая половина 1940 — первая половина 1980-х гг.: Дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. М.: РГБ, 2006. С. 63–64.

² ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 126а. Л. 10.

³ Там же. Л. 37; Д. 132а. Л. 15.

⁴ Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 265.

⁵ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 4. Д. 23. Л. 1, 29.

⁶ Там же. Д. 4. Л. 17, 35–39 об.

Тимерсяны, Новые Зимницы, Татарский Калмаюр. В исполнительные органы этих общин входило три человека — председатель, его заместитель и казначей¹. Как показывает анализ регистрационных дел религиозных обществ, такая численность состава исполнительного органа, установленная в законодательном порядке, соблюдалась на практике. Иногда в исполнительный орган входило четыре человека. Такой же была численность состава ревизионных комиссий².

По характеру занятий, социальному статусу и возрасту состав верующих в исполнительных органах и ревизионных комиссиях мало чем отличался от составов «двадцаток». В 1979 г. уполномоченный по Ульяновской области писал в ежегодном отчете, что члены исполнительных органов и ревизионных комиссий — это весьма активные верующие, «мужчины преклонного возраста, малограмотные, пенсионеры»³. Собственно, такая же стереотипная характеристика была дана и членам «двадцаток».

В обязанности правления общины входило ведение финансовой документации прихода и расхода денежных средств, поступающих в мечеть от верующих. Отчеты общины, как правило, заверялись подписями членов ревизионной комиссии и председателя исполнительного органа. Верующие вели квартальные, полугодовые и годовые отчеты. Последние составлялись в последних числах декабря, либо в первых числах января⁴. Так, например, обстояли дела в приходе г. Ульяновска. Иногда можно было встретить подписи казначея, который был членом исполнительного органа, председателя ревизионной комиссии и некоторых верующих, очевидно из «двадцатки»⁵. Мусульманская община г. Ульяновска, располагалась в областном центре, в отличие сельских общин находилась под пристальным контролем местных органов власти. Поэтому в финансовых отчетах этой общины соблюдался определенный порядок в оформлении. Их можно рассматривать как образцовую модель ведения финансовой документации.

Отчеты сельских мусульманских общин не всегда велись так тщательно и строго, а нередко с некоторыми отступлениями от существовавших правил. В приходе р. п. Старое Тимошкино отчеты за разные годы отдельно заверялись единоличной подписью одного из членов ревизионной комиссии, председателя исполнительного органа или казначея. В селе Абдреево учет денежных средств и вовсе вел верующий, не являвшийся членом исполнительного органа общины⁶.

¹ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 4. Д. 28. Л. 1–17.

² Там же. Д. 17. Л. 10–11; Д. 18. Л. 7; Д. 19. Л. 7–7 об.

³ Там же. Д. 132а. Л. 14.

⁴ Там же. Д. 60. Л. 3, 9, 14, 20; Оп. 4. Д. 18. Л. 39, 49, 53, 65, 68, 76 об., 77–77 об.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 60. Л. 3, 5 об., 9, 14, 19–20, 30, 42, 56.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 109. Л. 106а.

Финансовые отчеты за 1968–1972 гг. были без соответствующих подписей членов махалля¹. Такой же «беспорядок» в ведении финансовой документации периодически наблюдался в общинах селений Абдреево, Татарского Урайкино и Уразовки². В распоряжении председателя сельсовета «Об устранении и недопущении впредь незаконности и вольности в своей религиозной деятельности и служителя культа мечети» д. Татарское Урайкино от 19 марта 1970 г. говорилось, что учет денежных средств и материальных ценностей запущен. В частности, нет инвентарной описи, отражающей фактическое наличие имущества, надлежащим образом не ведется кассация приходно-расходных книг, своевременно не оформляются денежные суммы на хозяйственные и иные цели, несмотря на неоднократные указания райисполкома, денежные суммы мечетей до последнего времени хранились не в банке, а у частного лица, не являвшегося членом «двадцатки»³. Неудовлетворительное ведение финансовой документации отмечает и уполномоченный. В отчете за 1979 г. он писал, что члены ревизионных комиссий, будучи людьми «преклонного возраста, малограмотными», нередко допускают «серьезную оплошность и халатность, особенно в делах учета, охраны и сбережения культового имущества и других материальных ценностей...»⁴

На собраниях верующих члены исполнительного органа и ревизионной комиссии отчитывались о проделанной работе. Например, в общине села Новые Тимерсяны 29 января 1957 г. был заслушан доклад, в результирующей части которого говорилось: «...содержание мечети удовлетворительно. Топки хватает, по уходу умерших необходимы инвентарь: кошмы, занавески, полотенца, рукавички приобретены, обнесли мечеть изгородью»⁵. Председатели исполнительного органа и ревизионной комиссии являлись фактическими руководителями мусульманской общины. Документы зафиксировали случаи, когда они председательствовали на общих собраниях верующих⁶.

Учитывая, преимущественно пожилой возраст верующих, составы исполнительных органов и ревизионной комиссии так же, как и «двадцаток», периодически обновлялись, что главным образом было связано со смертью прежних членов или добровольной отставкой по состоянию здоровья⁷. Имели место и такие прецеденты,

¹ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 53. Л. 1 об., 2 об., 14 об., 20 об., 30 об.; д. 99, л. 1–5, 10–16, 22–28.

² Там же. Д. 109. Л. 106а; Д. 67. Л. 7, 13–16; Д. 93. Л. 24; Д. 66. Л. 19.

³ Там же. Д. 19. Л. 57.

⁴ Там же. Д. 132а. Л. 14.

⁵ Там же. Д. 14. Л. 23–23 об.

⁶ Там же. Д. 4. Л. 42, 58; Д. 8. Л. 20, 23, 36–36 об.

⁷ Там же. Д. 4. Л. 39; Д. 14. Л. 30, 33; Д. 17. Л. 17–17 об.; Д. 23. Л. 28; Д. 24. Л. 13, 23, 26, 29.

когда членов органов самоуправления сменяли по причине должностных проступков и злоупотреблений по вполне объективным и справедливым основаниям. Есть указания источников, что в отдельных общинах пребывание верующих в составе исполнительного органа было ограничено определенным сроком. Так, например, в селе Новые Тимерсяны на собрании верующих 29 ноября 1957 г. полностью сменился состав исполнительного органа, так как «срок старого состава истек»¹. Обновленные и переизбранные составы исполнительных органов и ревизионных комиссий заново регистрировались в местных органах власти, на что выдавалось соответствующее свидетельство².

Некоторые данные позволяют утверждать, что власти не всегда были в этом заинтересованы. В частности, в 1962 г., когда верующие села Новые Зимницы решили на общем собрании пополнить состав исполнительного органа, то Старо-Кулаткинский исполнительный комитет предложил не проводить собрание, а исполнительному органу общины работать в неполном составе³. Вполне возможно, что подобные действия местных органов власти были направлены на закрытие мечети в будущем. Неполный состав исполнительного органа мог стать для этого хорошим поводом. Например, указанная выше мечеть села Новые Зимницы была закрыта уже спустя два года. В 1964 г. по решению местных органов власти ее предполагалось разобрать, а материал использовать для строительства медицинского пункта⁴.

Обновление и динамика составов исполнительного органа и ревизионной комиссии в мусульманских общинах прослеживается по решениям собраний верующих и регистрационным справкам уполномоченного СРК по Ульяновской области. Достаточно подробно и детально составы исполнительных органов и ревизионных комиссий отражены в регистрационных делах общин Абдреево, Старого Тимошкино, Ульяновска и Татарского Урайкино. Их анализ по формальным признакам позволяет сконструировать две управленческие модели ротации кадров, а в каждой — модели по три подтипа. То есть в силу того, что представленные управленческие модели во многом противоположны друг другу, выступают своеобразными полюсами, между ними располагается шесть возможных вариантов ротации кадров в зависимости от наличия или отсутствия тех или иных признаков и их сочетаний (см. табл. 7).

¹ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 14. Л. 23.

² Там же. Д. 8. Л. 22, 36–36 об.

³ Там же. Д. 63.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 66–70.

Таблица 7. Модели ротации кадров в органы управления татарских махалля Ульяновской области в 1940–1980-е гг.

Принципы организации управленческих моделей	Управленческие модели ротации кадров							
	1	1.1	1.2	1.3	2	2.1	2.2	2.3
Избрание членов исполнительного органа и ревизионной комиссии имамами	+	+	0	+	0	0	+	0
Внутренние перестановки в управленческих структурах от помощника до председателя и в обратном порядке	+	+	+	0	0	0	0	+
Межуправленческие переходы из исполнительного органа в ревизионную комиссию и наоборот	+	0	+	+	0	+	0	0

Первая модель была свойственна религиозным общинам мусульман в селениях Абдреево и Старое Тимошкино. Для нее были характерны следующие черты: значительная стабильность составов исполнительного органа и ревизионной комиссии, избрание членов мутаваллиата имамами, внутренние перестановки в управленческих структурах от помощника до председателя и в обратном порядке, межуправленческие переходы из исполнительного органа в ревизионную комиссию и наоборот. То есть это закрытая, в какой-то мере «элитарная» по отношению к общине в целом, модель. Для большей наглядности этой управленческой модели рассмотрим ее функционирование более подробно на конкретных примерах.

В общине с. Абдреево с 1946 по октябрь 1980 г. наблюдалась следующая ситуация. В ревизионной комиссии на протяжении 21 года с 1959 по 1980-й год на посту председателя последовательно сменяли друг друга два человека — Сабиров Карим и Тагир Хамдеев. Первый из них проработал 21 год, второй 17 лет. Практически бессменным членом ревизионной комиссии на протяжении 24 лет был Миникаев Рамазан, затем еще два года он служил в исполнительном органе общины. С 1959 по 1970 г. состав ревизионной комиссии в числе упомянутых лиц оставался неизменным на протяжении 11 лет¹.

В исполнительном органе мечети постоянными членами на протяжении более 20 лет были Сабиров Закир и Билалов Исмаил. Председателями исполнительного органа и ревизионной комиссии, как правило, становились рядовые верующие, предварительно проработавшие несколько лет в исполнительном органе или ревизионной комиссии.

¹ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 4. Оп. 4. Д. 18.

Подобную «карьеру» сделали Закир Сабилов, Тагир Хамядеев, Шайдулла Сабитов, Абдулла Галимов и Калимулла Гиниятуллин. Из состава исполнительного органа и ревизионной комиссии выбирались и имамы общины. Так, муллами стали в свое время Исмаил Билалов и Вели Хайруллин. Исмаил Билалов в 1946–1966 гг. был членом исполнительного органа, а затем до 1978 г. служил муллой. Потом его сменил Вели Хайруллин, также являвшийся членом исполнительного органа, и с 1973 и по 1980 г. включительно прослуживший имамом общины. Трое верующих — Махмут Минсафин, Шайдулла Сабитов и Рамазан Миникаев в течение определенного времени сумели проработать в обеих управленческих структурах — в исполнительном органе и ревизионной комиссии. В целом в махалля с. Абдреево вырисовывается картина, когда на протяжении четверти столетия составы исполнительного органа и ревизионной комиссии оставались практически неизменными, одни и те же лица, но периодически менявшиеся на должностях: рядовой помощник ↔ председатель; исполнительный орган ↔ ревизионная комиссия; исполнительный орган → мулла¹.

Похожая ситуация сложилась и в махалля р. п. Старое Тимошкино. Там в 1946–1980 гг. в исполнительном органе мечети сменилось восемь человек со средней продолжительностью исполнения своих обязанностей 7–12 лет. Председатель исполнительного органа каждый раз избирался заново и прежде не работал в качестве помощника, за одним лишь исключением: Нурмухамед Сеюков первоначально, с 1946 г., был помощником, а в 1956 г. — председателем исполнительного органа. Состав ревизионной комиссии отличался несколько большей стабильностью. Урмеев Абдулла с 1956 по 1978 г. был ее бессменным членом, а под конец, в 1972 г., стал председателем. По 9 и 11 лет проработали Нурмухамед Сеюков и Хасян Муртазин. Так же как и в Абдрееве, наблюдались межуправленческие переходы: исполнительный орган ↔ ревизионная комиссия. Уже упоминавшийся выше Нурмухамед Сеюков с 1946 по 1959 год являлся членом исполнительного органа, а с 1959 по 1978 г. работал в ревизионной комиссии. Измаил Нагаев числился в 1959–1966 гг. в исполнительном органе, а в 1972–1978 гг. — в ревизионной комиссии. Наконец, Измаил Абдрязакон в 1971–1978 гг. обозначен как помощник в ревизионной комиссии, а в 1978–1980 гг. уже числится помощником в исполнительном органе. Ситуация с выборами имамов практически ничем не отличалась от состояния дел в махалля с. Абдреево. В мечети р. п. Старое Тимошкино сразу пять членов исполнительного органа избирались в муллы и на протяжении более 30 лет руководили религиозной жизнью общины. При этом двое из них одновременно

¹ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 4. Оп. 4. Д. 18.

оставались и в составе исполнительного органа. Ахмедсафа Кадермятов в 1946–1949 гг. был имамом мечети и председателем исполнительного органа, Юсуп Кадирлеев в 1956–1959 гг. имамом и помощником в исполнительном органе. Измаил Кадермятов, Измаил Булатов и Юсуп Сеюков стали муллами после работы в исполнительном органе, причем Измаил Кадермятов и Измаил Булатов прежде были председателями ревизионной комиссии и исполнительного органа. Видимо, это обстоятельство тоже играло определенную роль при выборе муллы в махалля р. п. Старое Тимошкино¹.

Вторая управленческая модель нашла воплощение в религиозных общинах г. Ульяновска и с. Татарское Урайкино. Для нее, во многом противоположно первой модели, были присущи следующие черты: не зафиксированы случаи избрания имамов из числа членов исполнительного органа или ревизионной комиссии, нет межуправленческих переходов из исполнительного органа в ревизионную комиссию и наоборот, отсутствуют внутренние перестановки в управленческих структурах от помощника до председателя и в обратном порядке. Верующие работали некоторое время в определенной должности, а затем полностью менялся весь состав либо заменялся конкретный человек. Продолжительность пребывания в той или иной должности была различной. В общине с. Татарское Урайкино в исполнительном органе и ревизионной комиссии она варьировала в пределах 4–18 лет. Самый большой срок работы составлял 23 года в ревизионной комиссии у Хасиата Кафиатуллова и Хасяна Мухаметзянова².

В мусульманской общине г. Ульяновска, в общем-то, были схожие черты: не зафиксированы случаи избрания имамов из числа членов исполнительного органа, нет межуправленческих переходов из исполнительного органа в ревизионную комиссию и наоборот. Точно так же верующие отработывали определенное время, а затем обновлялись составы исполнительного органа и ревизионной комиссии. Единственное отличие от состояния дел в общине с. Татарское Урайкино — это зафиксированные в документах случаи внутренних перестановок в управленческих структурах от помощника до председателя и в обратном порядке. Так, Надыр Бахтиаров в 1965–1972 гг. был помощником в ревизионной комиссии, а с 1972 г. уже значился как ее председатель. Абин Айнетдинов в 1983–1985 гг. занимал должность председателя исполнительного органа, а с 1986 г. стал его рядовым членом³.

В прочих мусульманских приходах Ульяновской области ситуация в управленческих структурах была в той или иной степени близка

¹ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 4. Оп. 4. Д. 16.

² Там же. Д. 19.

³ Там же. Д. 13, 14.

к первой или второй из описанных выше моделей. Насколько позволяют судить во многом неполные и фрагментарные данные о составах исполнительных органов и ревизионных комиссий к первой управленческой модели были близки общины селений Уразгильдино и Новые Тимерсяны. Ко второй модели можно отнести общины селений Енганаево, Уразовка, Елховый Куст, Татарский Калмаюр и Аллагулово. Под вопросом из-за неполноты сведений остается община с. Новые Зимницы Старо-Кулаткинского района¹.

В советское время в условиях нового, атеистического законодательства произошла существенная трансформация управленческих структур татарской махалля. Ее основы были заложены еще в 1920-е гг., но вплоть до начала 1930-х гг. продолжали функционировать прежние органы самоуправления, мутаваллиаты. К этому времени мусульманские общины уже утратили свои традиционные институты финансовой самостоятельности — вакфы. Новая волна регистрации религиозных обществ, развернувшаяся в конце Великой Отечественной войны, зафиксировала иные реалии в жизни мусульманских общин. Скорее всего, именно с этого времени можно вести речь о действительном утверждении новых управленческих структур — «двадцаток», исполнительного органа и ревизионной комиссии. В советских делопроизводственных документах послевоенного времени практически не встречается термин «мутаваллиат» для обозначения органов управления мусульманской общины. Однако это не означает, что этот институт перестал функционировать и остался в прошлом. Как неофициальный орган власти, мутаваллиат действовал как бы параллельно с исполнительным органом и ревизионной комиссией. Однако вряд ли их можно отождествлять. Скорее всего, члены мутаваллиата могли быть одновременно и членами «советских» органов управления религиозной общины. Главное отличие этих управленческих структур заключалось в том, что имамы были отстранены от участия в решении вопросов некультового характера, они стали всего лишь наемными служителями культа. В функционировании управленческих структур татарской махалля на территории Симбирско-Ульяновского региона во второй половине XX в. можно выделить несколько общих тенденций, типичных для большинства мусульманских общин Среднего Поволжья. Во-первых, это сокращение среднего числа членов «двадцаток», во-вторых, общее старение управленческих кадров. Их ротация в исполнительный орган и ревизионную комиссию строилась на различных принципах, на основе которых можно выделить несколько моделей пополнения составов органов самоуправления.

¹ ГАУО. Ф. Р-3705. Оп. 4. Д. 17; Оп. 1. Д. 4, 8, 17–19, 22–24.

Литература

Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. 262 с.

Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 712 с.

Загидуллин И.К. Деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания по реформированию управления духовными делами мусульман в конце XIX — начале XX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей. Вып. 4. Казань: Изд-во «Яз», Институт истории АН РТ, 2014. С. 83–121.

Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 416 С.

Королев А.А., Королева Л.А. Мусульмане Пензенской области во второй половине 1940-х — первой половине 1980-х гг. // Ислам в центрально-европейской части России: Энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2009. С. 176–178.

Миннулин И.Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане, 1920–1930-е гг. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. 220 с.

Миннулин И.Р. Мусульманское духовенство Татарстана в условиях политических репрессий 1920–1930-х гг. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. 84 с.

Моргунов К.А. Государственная этноконфессиональная политика и мусульманские религиозные организации в Оренбургской области (1944–1991 гг.) // 1-й международный научный форум «Ислам в мультикультурном мире». 1–3 ноября 2011 г. (г. Казань, Республика Татарстан). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2012. С. 475–498.

Мухаметзянов А.А., Миннулин И.Р. Трансформация институтов мусульманской общины Татарстана (1920–1930-е гг.). Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. 148 с.

Мухетдинов Д.В. Азан над Волгой. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского исламского медресе «Махинур», 2005. 64 с.

Наганова Н. Формирование мусульманского сообщества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: Материалы научно-практической конференции (27–28 сентября 2005 г., г. Казань). Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 101–128.

Охрана здоровья в СССР: Статистический сборник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 240 с.

Проскурина А.В. Политика советской власти в отношении религии и церкви в деревне Северо-Запада России в конце 1920-х — 1930-е гг.: Дис. на соиск. уч. ст. к. и.н. Псков: РГБ, 2002. 249 с.

Салихов Р.Р. Татарская буржуазия России и трансформация традиционной мусульманской благотворительности во второй половине XIX — начале XX в. // Ислам и благотворительность. Материалы всероссийского семинара «Ислам и благотворительность». Казань, 2006. С. 26–43.

Салихов Р.Р., Хабутдинов А.Ю., Хайрутдинов Р.Р. Махалля // Ислам на Нижегородчине: Энциклопедический словарь. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007. С. 123–124.

Соломадина Н.А. Мусульманские религиозные организации Пензенской области. Вторая половина 1940 — первая половина 1980-х гг.: Дис. на соиск. уч. ст. к. и.н. М.: РГБ, 2006. 182 с.

Старостин А.Н. Мусульманское сообщество Среднего Урала в конце XIX — начале XXI в.: Дис. на соиск. уч. ст. к. и.н. Екатеринбург: РГБ, 2010. 441 с.

Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений 1917–1991 гг.: Дис. на соиск. уч. ст. д. и.н. Махачкала: РГБ, 2009. 587 с.

Тагирджанова А.Н. Ликвидация мусульманских общин в Петрограде в 1920-х гг. // Ислам в Санкт-Петербурге: Энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2009. С. 119.

Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: ИД «Марджани», 2013. 344 с.

Хабутдинов А.Ю. Татарская махалля эпохи Оренбургского Магометанского духовного собрания в структуре нации // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: Материалы научно-практической конференции (27–28 сентября 2005 г., г. Казань). Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 183–190.

Хайретдинов Д.Х. Ликвидация мусульманской общины Кронштадта в конце 1920-х гг. // Ислам в Санкт-Петербурге: Энциклопедический словарь. М.: ИД «Медина», 2009. С. 120.

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.

LOCAL ADMINISTRATIVE INSTITUTION OF TATAR COMMUNITIES IN 1940–1980's (BASED ON THE MATERIALS OF THE ULYANOVSK OBLAST)

Alexandr V. KOBZEV,

Cand. Sci. (Hist.), associate professor,
Ulyanovsk State Pedagogical University
(4, Stolyetiya Lenina sq., Ulyanovsk,
432700, Russian Federation).
E-mail: alkobzev@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of the bodies of self-government, which existed in the Tatar Mahalla during Soviet times. This work is based on the case study of religious communities of the Ulyanovsk region and uses the documents of the Council for Religious Affairs of the Ulyanovsk region as source materials. The article analyzes the dynamics of age and social composition of self-administration, in particular, an executive body, a revision commission and 'the twenty'

— an institution of staff rotation. Mutawalliats, as well as all religious communities, suffered harsh devastation, while Muslim clergy and the members of the «twenties» were subjected to mass repressions during the period of staunch Soviet atheism. We can distinguish several interrelated processes in the 1950–1980's: aging of the members of administrative bodies and reduction of the average number of «twenties». Their social structure was determined by countryside residency. By the 1970's, administrative bodies had been dominated by the elderly. The analysis of empirical data revealed several patterns of personnel rotation in the bodies of self-government in the Tatar Mahalla of the Ulyanovsk region.

Keywords: Islam, the Tatars, Muslims, mahalla, mutawalliat, Ulyanovsk region.

DOI: 10.22311/2074-1529-2016-12-3-91-114

